

УДК 343.91
ББК 67.512

К.В. Корсаков

кандидат юридических наук, доцент,

Уральская государственная юридическая академия

И.А. Жилко

Уральская государственная юридическая академия

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСУЖДЕННЫХ, ОСТАВЛЕННЫХ В СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРАХ ДЛЯ ВЫПОЛНЕНИЯ РАБОТ ПО ХОЗЯЙСТВЕННОМУ ОБСЛУЖИВАНИЮ

В настоящей статье рассматриваются актуальные и злободневные проблемы отечественной пенитенциарной криминологии, непосредственно связанные с таким институтом российского уголовно-исполнительного права, как оставление впервые осужденных к лишению свободы в следственных изоляторах для выполнения ими работ по хозяйственному и бытовому обслуживанию. Представлена разносторонняя и развернутая криминологическая характеристика и обозначены личностные особенности осужденных к лишению свободы преступников, находящихся сегодня в учреждениях, специально не предназначенных для исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы – следственных изоляторах, а потому обладающих как своеобразным правовым статусом, так и довольно специфическим фактическим положением. Данная категория осужденных к уголовному наказанию в виде лишения свободы сопоставлена по наиболее криминологически значимым критериям и параметрам с иными осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы в исправительных колониях общего режима. Вскрыты и описаны основные проблемы, возникающие в процессе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в российских следственных изоляторах. Сделан ряд обоснованных выводов и сформулированы конкретные предложения по оптимизации уголовно-исполнительной деятельности в отношении осужденных к лишению свободы, оставленных в российских следственных изоляторах с целью хозяйственного обслуживания.

Ключевые слова: криминология; пенитенциарная криминология; следственные изоляторы; исполнение наказания в виде лишения свободы; исправление преступников; хозяйственное обслуживание исправительных учреждений; личная безопасность осужденных; уголовно-исполнительная система; личность преступника.

K.V. Korsakov

Candidate of Legal Sciences, Associated Professor,

Ural State Law Academy

I.A. Zhilko

Ural State Law Academy

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE CONVICTED WHO WORK DETENTION FACILITIES UPKEEPING SERVICE

The article studies current issues of Russian penitentiary criminology that are related to leaving the convicted in detention facilities' upkeep service. The article provides a complex criminological characteristics and personal features of the sentenced to deprivation of freedom who are in detention facilities that are not designed for freedom deprivation and therefore they have a very special legal status and actual position. This type of the sentenced to deprivation of freedom is associated with those who serve sentence of freedom deprivation in correctional colonies of general regime. The authors discover main problems that arise during serving sentence of freedom deprivation in Russian

detention facilities. They come to some valid conclusions and suggestions on optimization of penal activity related to the convicted left in detention facilities upkeep service

Key words: criminology; penitentiary criminology; detention facilities; deprivation of freedom as execution of punishment; correctional rehabilitation; correction facilities operation; personal security of the convicted; correctional system; personality of a criminal.

Очерчивание и изучение криминологического «портрета» осужденных, работающих в отрядах хозяйственного обслуживания следственных изоляторов, значимы не только для сферы координации и планирования пенитенциарной практики, основной задачей которой, согласно верному замечанию В.Н. Бурлакова, «является формирование оптимальной структуры и степени жесткости применяемых наказаний, тесно коррелируемых с общественной опасностью совершаемых преступных деяний и личностными особенностями преступников», но и для осуществления вариативных мер индивидуальной криминологической профилактики [5, с. 76].

В качестве условия индивидуализации и дифференциации исправительно-воспитательного воздействия на преступников, лишенных свободы, выделяется не только верное распределение таковых по уголовно-исполнительным учреждениям, но и последовательное разделение их на различные классификационные категории воспитуемых. Эффективность работы сотрудников воспитательных отделов и психологических служб по контролю за процессом исправления и перевоспитания осужденных к лишению свободы, находящихся в следственных изоляторах, напрямую зависит от качественно-количественных параметров имеющейся у них информации об объекте данной целенаправленной активности – личности осужденного, ее криминологической, физической и психологической составляющих [1; 7].

Несмотря на снижение в стране за период последних трех лет интенсивности преступности, общее количество лиц, содержащихся под стражей, остается относительно высоким, а в некоторых регионах это число превышает количество мест в следственных изоляторах [11, с. 95]. Превышение лимитов наполняемости СИЗО приводит к ухудшению условий содержания, нарушению прав, свобод и интересов осужденных и лиц, содержащихся под стражей, увеличивает объем работы сотрудников ФСИН, порождает различные эксцессы, конфликтные ситуации и новые преступные посягательства.

В этой связи категория осужденных к лишению свободы, содержащихся в СИЗО с целью привлечения их к выполнению работ по хозяйственному обслуживанию, сопоставляется нами с основным контингентом следственных изоляторов – лицами, содержащимися под стражей. Она выделяется в виде особой и рассматривается нами отдельно от общей для нее категории осужденных к лишению свободы с отбыванием наказания в исправительных колониях общего режима на основании весьма точной сентенции профессора И.В. Шмарова о том, что каждая из категорий осужденных «в целях обеспечения дифференцированного применения мер исправительно-трудового воздействия может разделяться на отдельные категории по разным критериям. Такими критериями могут выступать криминологические признаки (криминальная запущенность и направленность личности), психолого-педагогические признаки (поведение в период отбывания наказания), психофизиологические признаки (психические отклонения, инвалидность) и т.д.».

Вычленение из общего массива осужденных к лишению свободы и подробное рассмотрение с позиций криминологической науки особой и специфической группы лиц, оставленных в следственных изоляторах для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, затрагивают не только вопрос о научно-теоретической оценке эффективности исполнения данного вида уголовного наказания в указанном формате, но и острые проблемы предупреждения рецидивной и пенитенциарной преступности, ресоциализации и адаптации осужденных, испытывающих трудности в процессе социализации либо подверженных процессу деградации или распада личности. Причем не только оправданное выделение данной категории осужденных к лишению свободы в качестве отдельной и самобытной, но и специфика установленного в отношении них законодательством режима, распорядка, условий содержания и труда порождает комплекс не только научно-теоретических и юридических, но и прикладных, организационных, методических проблем.

Личность преступника, осужденного к лишению свободы, относится к центральным субинститутам пенологической и криминологической отраслей знания. Она представляет собой системный набор взаимосвязанных свойств, качеств, наклонностей, принципов, привычек, обыкновений и черт характера, объясняющих не только причины совершения преступления, за которое лицо отбывает уголовное наказание, но и предпосылки и мотивы его положительного либо отрицательного поведения в условиях лишения свободы. Криминологические признаки наряду с уголовно-правовыми и эмоционально-психологическими элементами входят в группу наиболее важных структурных компонентов личности человека, совершившего преступление и помещенного в условия изоляции от общества.

Осужденные к лишению свободы из состава отрядов по хозяйственному обслуживанию СИЗО всегда характеризовались отсутствием ярко выраженной антиобщественной установки и значительно меньшей по сравнению с другими категориями осужденных к лишению свободы подверженностью различного рода криминогенным факторам, воспроизводящим преступное поведение. В основном в их число попадали положительно зарекомендовавшие себя лица, впервые осужденные к лишению свободы за совершение преступлений небольшой и средней тяжести, как правило, с неосторожной формой вины, беспрепятственно поддающиеся и активно содействующие исправительно-воспитательному процессу, на обоюдосторонний характер которого указал еще профессор Н.А. Стручков, писавший, что «в этом процессе всегда участвуют осужденные, с одной стороны, и должностные лица исправительно-трудовых учреждений (и иных органов, исполняющих наказание) – с другой» [14, с. 147].

Однако после вступления в силу ряда законодательных новелл, в особенности закрепления альтернативных лишению свободы видов уголовного наказания за совершение ряда преступлений небольшой и средней тяжести и замены формулировки «впервые осужденные к лишению свободы на срок не свыше пяти лет» в ч. 1 ст. 77 УИК РФ словами «осужденные к лишению свободы, ранее не отбывавшие лишение свободы» федеральным законом от 3 апреля 2006 г., состав таких отрядов стал меняться вследствие поступления в них осужденных за тяжкие преступления, в

том числе и тяжкие преступления против жизни и здоровья, ранее не отбывавших лишение свободы. Несмотря на эти изменения, структура и характер преступных посягательств, совершенных лицами, отбывающими в отряды по хозяйственному обслуживанию СИЗО, остались разнящимися с показателями преступлений, которые были совершены осужденными, отбывающими уголовное наказание в виде лишения свободы в исправительных колониях общего режима и большинством подследственных, содержащихся в российских следственных изоляторах.

В первую очередь необходимо отметить, что только менее трети от общего количества следственно-арестованных, содержащихся в СИЗО, привлекаются к уголовной ответственности впервые: около 70 % лиц, находящихся сегодня в СИЗО, ранее уже привлекались к уголовной ответственности или же отбывали наказание в виде лишения свободы [10]. Структура и характер преступности лиц, содержащихся под стражей, за последние несколько лет остались почти что неизменными, наибольшие доли в ней занимают насильственные преступные деяния, среди которых наиболее распространены преступления против жизни, здоровья и половой свободы, а также преступления против собственности и преступления против здоровья населения (в особенности те деяния, уголовная ответственность за которые предусмотрена в ст. 228 и 228.1 УК РФ).

В исправительных колониях общего режима по сравнению с отрядами хозяйственного обслуживания в СИЗО значительно больше осужденных к лишению свободы, совершивших насильственные преступления, в частности убийство; средний срок наказания у таких лиц существенно выше, чем у находящихся в следственных изоляторах. В отличие от осужденных, которые с их согласия были оставлены в следственных изоляторах, имеющих профессию, специальность и жилье, немалую часть отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы в исправительных колониях общего режима составляют лица без профессионального образования, определенных занятий и законных источников средств к существованию, примерно каждый десятый из них не имеет жилья либо испытывает большие трудности с поиском жилья после отбытия наказания.

Большинство лиц, трудящихся сегодня в отрядах по хозяйственному обслуживанию следственных изоляторов, осуждены к

лишению свободы на срок до пяти лет. Преобладающая часть осужденных из отрядов хозяйственного обслуживания совершила корыстные преступные посягательства средней тяжести, направленные против собственности: в основном это кражи, мошеннические действия, грабежи, вымогательство, причем, как отмечают начальники соответствующих отрядов в следственных изоляторах, «много таких краж связано с сотовыми телефонами» [5, с. 35]. В отрядах по хозяйственному обслуживанию СИЗО отсутствуют осужденные за терроризм, бандитизм и организацию преступного сообщества. В них также не принимаются лица, зараженные ВИЧ-инфекцией, туберкулезом в активной стадии, а равно преступники, имеющие выраженные расстройства психики либо невротические отклонения, и инвалиды.

Наиболее частыми среди довольно небольшого числа преступных деяний, которые совершаются осужденными, трудящимися в следственных изоляторах на работах по хозяйственному обслуживанию, в период отбывания наказания, являются побегі при выведении их за пределы пенитенциарного заведения для выполнения каких-либо работ. Как отмечает В.И. Семенюк, в СИЗО «70 % побегов совершены осужденными, оставленными для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию учреждений, в том числе во время вывода их за пределы территории следственных изоляторов» [13, с. 33]. В целях предупреждения подобных преступлений наряду с повышением качества отбора осужденных в отряды хозяйственного обслуживания следственных изоляторов и усилением проводящейся оперативной работы, по нашему мнению, не следует разрешать данной категории осужденных к лишению свободы, немалая часть из которых пользуется правом бесконвойного передвижения, нахождение без конвоя или сопровождения за пределами исправительного учреждения по хозяйственной необходимости.

Абсолютное большинство лиц, отобранных для работы в отрядах по хозяйственному обслуживанию следственных изоляторов, не относится к числу носителей, воспроизводителей либо пропагандистов элементов преступной субкультуры, воровской идеологии, криминальных традиций и устоев. Почти все из них характеризуются со стороны персонала СИЗО исключительно положительно, стремят-

ся к скорому условно-досрочному освобождению, не нарушают режим, не поддерживают и не нацелены на поддержание каких-либо контактов с заключенными антиобщественной направленности. Однако следует отметить, что в условиях принудительной изоляции в силу выполняемых ими трудовых функций им часто приходится соприкасаться с широкими массами подсудственных, в том числе и теми из них, которые стремятся оказать на них негативное воздействие, распространить свои правила и порядки. Они так же, как и другие представители микросоциума СИЗО, испытывают значительное влияние криминальной среды, интенсивно навязывающей свои поведенческие шаблоны, ценности, представления, нормативы, установки и принципы, в способствующей этому до сих пор полностью не преодоленной ситуации имморализма и, как заметил С.С. Алексеев, «падения» (или «потери») права в практических делах и общественном мнении» [2, с. 190].

Выстраиваемая криминальной субкультурой иерархическая структура сообщества людей, находящихся в следственных изоляторах, отличается от таковой в исправительных колониях и тюрьмах. Это связано со скученностью заключенных, их неоднородностью, длительным нахождением в экстремальных для многих из них условиях, повышенной, нежели в исправительных колониях и колониях-поселениях, степенью изоляции и, как верно подметила О.П. Дубягина, «ограниченным кругом общения, который, как правило, замыкается камерой» [6, с. 710], в силу чего содержащиеся в следственных изоляторах попадают под большее воздействие и контроль со стороны преступников-рецидивистов, криминальных лидеров, авторитетов и лиц, их поддерживающих.

В следственных изоляторах между заключенными складываются более сложные и противоречивые отношения, в них образуется немалое количество групп и общностей различной направленности, нередко противостоящих друг другу. Данные опросов, приведенные в статье М.Г. Кузнецовой «Изучение межгрупповых взаимоотношений осужденных в отрядах хозяйственного обслуживания СИЗО», указывают на разобщенность заключенных: «Небольшая доля лиц (от 12 до 15 %), согласных работать в любой бригаде, свидетельствовала о том, что осужденные боятся менять группы, а это, в свою очередь,

указывало на наличие группировок. Почти 45 % опрошенных предпочитали работать в одиночку, а не в составе бригады, что говорит о взаимном недоверии осужденных» [10, с. 23]. Все это осложняется жесткой регламентацией повседневного быта, зависимостью от социальных процессов, происходящих в сообществе подозреваемых и обвиняемых, и нахождением на низкой статусной ступени в неформальной тюремной иерархии как субъектов, добровольно согласившихся выполнять непрестижную с точки зрения представителей криминальной среды работу и сотрудничать с администрацией.

В данной связи следует также отметить, что преступники, содержащиеся в СИЗО, являются более отрицательно настроенными, криминально активными и общественно опасными, чем находящиеся в исправительных колониях общего режима, потому как доля только тех из них, которые обвиняются в совершении убийств, изнасилований, причинении тяжкого вреда здоровью, терроризме, разбое, бандитизме, приближается к половине количества всех находящихся под стражей (около 48 %). Для представителей криминальной среды СИЗО характерны большой опыт пребывания в местах принудительного содержания, агрессивность, наличие аморальных наклонностей и привычек, цинизм, дерзость, изощренная жестокость, решительность, нацеленность на соблюдение воровских традиций и обычаев и применение насилия к тем, кто их не принимает или нарушает, а равно на упрочнение авторитета в преступном мире и борьбу за лидерство [3, с. 81–93]. Такие лица образуют или уже входят в состав организованных преступных групп и сообществ и занимаются вовлечением в таковые новых участников.

Концентрация в СИЗО преступников с явно выраженной криминальной направленностью значительно воздействует не только на оперативную, но и на психологическую обстановку. Она приводит к совершению преступных деяний – убийств, захвата заложников, побегов, причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью, укрепляет и подпитывает криминальную атмосферу, насаждает оппозиционный настрой по отношению к государству, обществу и администрации следственных изоляторов, жесткие запреты на сотрудничество с представителями последней. Все это наряду с недостаточной эффективно-

стью надзора и контроля и рядом других факторов опосредует наличие в СИЗО латентной преступности, которой наиболее подвержены акты причинения вреда здоровью, насильственные действия сексуального характера, грабежи [15].

Не только высокий уровень латентности преступности в СИЗО, но и значительные трудности в обеспечении законности, установленного режима и реализации целей уголовного наказания во многом порождают появляющиеся на страницах периодической печати безответственные и явно не продуманные рекомендации, распространяющиеся в том числе и на осужденных из отрядов по хозяйственному обслуживанию следственных изоляторов. Например, Г.В. Колесов пишет: «Организационная сущность деятельности персонала СИЗО по укреплению правопорядка среди лиц, содержащихся в СИЗО, заключается в создании оптимальных условий для соблюдения следственно-арестованными и другими лицами в целях выполнения установленного порядка содержания в СИЗО, правопослушного поведения.

В связи с этим к лицам, поступившим в СИЗО, должны предъявляться требования, обязывающие их: выполнять установленный порядок содержания, своим поведением не вызывать неприязнь со стороны других лиц, быть опрятным, соблюдать гигиену, поддерживать санитарное состояние, подчиняться ответственному по камере, делиться с другими предметами первой необходимости и продуктами питания, возвращать долг, не вмешиваться в дела других лиц, знать и соблюдать неформальные нормы, поддерживать контакты с членами других групп, поддерживать других лиц в их конфликте с персоналом; запрещающие: наносить оскорбления сокамерникам; распространять о них слухи, порочащие их достоинство; воровать у сокамерников; жаловаться на них; предоставлять персоналу информацию о положении в камере; стремиться перейти в другую камеру без разрешения сокамерников; отправлять естественные надобности во время приема пищи сокамерниками; ходить без тапок и другой обуви по полу; есть упавшую на пол пищу; плевать в раковину; трогать руками бортик, отделяющий санузел, а также использовать его для размещения своих вещей» [8].

Следует признать справедливость и правильность выводов, сделанных другими оте-

чественными исследователями, в частности В.В. Михайлиным, о том, что «негативное влияние на оперативную обстановку и состояние безопасности в следственных изоляторах пытаются оказать лидеры преступной среды, прежде всего лица, причисляющие себя к категории «воров в законе». Для достижения своих целей они часто провоцируют акции группового неповиновения, в том числе с привлечением правозащитных организаций и средств массовой информации» [12, с. 55]. Добавим, что указанные лица активно стремятся воздействовать на осужденных из отрядов хозяйственного обслуживания, подчинить их своим преступным целям, заставить выполнять незаконные поручения разного рода, преследуют их и открыто угрожают совершением насильственных действий за их контакты с администрацией, создают конфликтные ситуации и совершают преступные действия в отношении осужденных, занимающихся работой по хозяйственному и бытовому обслуживанию.

В данное время в российских СИЗО, несмотря на принцип покамерного содержания, невозможна полная изоляция особо опасных рецидивистов, так называемых «воров в законе», и преступных авторитетов от осужденных из отрядов хозяйственного обслуживания. Даже формирование в следственных изоляторах обособленных участков для содержания таких лиц полностью не решит эту проблему. Согласно ч. 3 ст. 77 УИК РФ, осужденные, оставленные в СИЗО для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, содержатся в незапираемых общих камерах отдельно от других лиц, однако уже в силу выполняемых ими хозяйственных функций (по уборке и ремонту помещений, обслуживанию сантехники и электрики, раздаче пищи и т.д.) они не могут не соприкасаться и не контактировать с подследственными.

Наиболее часто последние пытаются склонить осужденных из отрядов хозяйственного обслуживания к установлению или же поддержанию каналов поступления и перераспределения в СИЗО наркотических средств, сотовых телефонов, денег, спиртных напитков и других запрещенных предметов. При этом немалая часть запрещенных предметов поступает в следственные изоляторы в результате их пронесения адвокатами и сотрудниками ФСИН России, злоупотребляющими своими должностными полно-

мочиями, а перед осужденными из отрядов хозяйственного обслуживания СИЗО ставится задача по их распределению и передаче от одних следственно-арестованных другим. Как отказ от участия в подобных незаконных действиях, так и воздержание от других навязываемых им форм поведения, нарушающих режим и распорядок, нередко влекут акты мести, расправы в отношении осужденных из отрядов по хозяйственному обслуживанию вплоть до их убийств или нанесения им травм и увечий.

Помимо решительного пресечения со стороны персонала следственных изоляторов попыток оказания давления либо применения насилия в отношении осужденных из отрядов по хозяйственному обслуживанию, для повышения уровня их защищенности и обеспечения личной безопасности мы предлагаем создавать для тех из них, кто подвергается преследованиям со стороны лиц отрицательной направленности, отдельные запираемые помещения на одного либо нескольких человек. На наш взгляд, на данную категорию осужденных следует распространить правило, которое не закреплено в УИК РФ и Правилах внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы от 14 октября 2005 г., однако содержится в ст. 32 «Основные требования обеспечения изоляции» ФЗ РФ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15 июля 1995 г., о том, что в целях обеспечения безопасности жизни и здоровья содержащийся в следственном изоляторе заключенный может быть размещен в одиночной камере.

Обобщая изложенное выше, отметим, что выделенные нами особенности криминологической характеристики категории осужденных к лишению свободы, оставленных в следственных изоляторах для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, свидетельствуют не только о наличии лучших возможностей для обеспечения осуществляющегося в отношении них исправительно-воспитательного процесса, их ресоциализации, социальной адаптации и предупреждения рецидива с их стороны, но и о том, что данная категория осужденных нуждается в применении особых подходов в карательно-воспитательном воздействии в условиях изоляции, а также усиленном режиме обеспечения их личной безопасности.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеев В.А. Проблемы реализации уголовной ответственности / В.А. Авдеев // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2006. – № 5. – С. 50–54.
2. Алексеев С.С. Право на пороге нового тысячелетия: некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи / С.С. Алексеев. – М., 2000. – 255 с.
3. Блохин Ю.И. Особенности приема в СИЗО и распределения по камерам лидеров преступной среды / Ю.И. Блохин // Актуальные проблемы современной юридической науки : сб. науч. тр. юрид. фак. – Ростов н/Д, 2008. – Вып. 2. – С. 81–93.
4. Булычева Л.И. Тюремь в России: «Бутырка»: острог – замок – СИЗО (Окончание) / Л.И. Булычева // Закон и право. – 2004. – № 4. – С. 33–36.
5. Бурлаков В.Н. Личность преступника и назначение наказания : учеб. пособие / В.Н. Бурлаков. – Л., 1986. – 88 с.
6. Дубягина О.П. История развития иерархии криминального сообщества и система ее обеспечения / О.П. Дубягина // Право и политика. – 2008. – № 3. – С. 704–712.
7. Козаченко И.Я., Авдеева Е.В. Актуальные вопросы уголовно-правовой регламентации торговли людьми и использования рабского труда / И.Я. Козаченко, Е.В. Авдеева // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2012. – № 4. – С. 63–68.
8. Колесов Г.В. Организационные основы укрепления правопорядка среди лиц, содержащихся в следственном изоляторе / Г.В. Колесов // Человек: преступление и наказание. – 2009. – № 2. – С. 102–103.
9. Кривошеев С.В. Криминологическая и уголовно-правовая характеристика насильственных преступлений, совершаемых в следственных изоляторах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.В. Кривошеев. – М., 2011. – 25 с.
10. Кузнецова М.Г. Изучение межгрупповых взаимоотношений осужденных в отрядах хозяйственного обслуживания СИЗО / М.Г. Кузнецова // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2003. – № 7. – С. 20–24.
11. Литвинюк Р.Е. Перспективы функционирования следственных изоляторов в современных условиях / Р.Е. Литвинюк // Человек: преступление и наказание. – 2010. – № 4. – С. 95–99.
12. Михайлин В.В. Негативное влияние преступлений, совершаемых в следственных изоляторах, на безопасность сотрудников, подозреваемых, обвиняемых и осужденных / В.В. Михайлин // Человек: преступление и наказание. – 2010. – № 4. – С. 55–56.
13. Семенюк В.И. Ситуация в следственных изоляторах улучшается, но проблемы остаются / В.И. Семенюк // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2004. – № 3. – С. 32–34.
14. Стручков Н.А. Курс исправительно-трудового права. Проблемы Особенной части / Н.А. Стручков. – М., 1985. – 256 с.
15. Чайковский А.А. Современное состояние преступности в следственных изоляторах ФСИН России / А.А. Чайковский // Вестник Владимирского юридического института. – 2010. – № 2 (15). – С. 41–43.

REFERENCES

1. Avdeev V.A. Problems in criminal responsibility execution. [Problemy realizacii ugovolnoj otvetstvennosti]. *Izvestija Irkutskoj gosudarstvennoj jekonomicheskoy akademii – Izvestiya of Irkutsk State Academy of Economics*, 2006, no. 5, pp. 50–54.
2. Alekseev S.S. Law in the new millenium: some tendincies of global law development – the hope and drama of the epoch. [Pravo na poroge novogo tysjacheletija: nekotorye tendencii mirovogo pravovogo razvitija – nadezhda i drama sovremennoj jepohi]. Moscow, 2000, 255 p.
3. Blohin Ju.I. Special aspects of detention facility admission and criminal leaders distribution. Current issues of modern science of law: collection of scientific papers of Legal faculty. [Osobennosti priema v SIZO i raspredelenija po kameram liderov prestupnoj sredy / Ju.I. Blohin. Aktual'nye problemy sovremennoj juridicheskoy nauki : sb. nauch. tr. jurid. fak]. Rostov-on-Don, 2008, no. 2, pp. 81–93.
4. Bulycheva L.I. Prisons in Russia: «Butyrka»: ostrog – zamok – SIZO (final). [Bulycheva L.I. Tjur'my v Rossii: «Butyrka»: ostrog – zamok – SIZO (Okonchanie)]. *Zakon i pravo – Law and order*, 2004. № 4, pp. 33–36.
5. Burlakov V.N. Personality of a criminal and punishment assignment: educational book. [Lichnost' prestupnika i naznachenie nakazaniya : ucheb. posobie]. Leningrad, 1986, 88 p.
6. Dubjagina O.P. Criminal society hierarchy development history and its supporting system. [Istorija razvitija ierarhii kriminal'nogo soobshhestva i sistema ee obespechenija]. *Pravo i politika – Law and policy*, 2008, no. 3, pp. 704–712.
7. Kozachenko I.Ja. Current problems of criminal and legal regulation of human trafficking and slave labour utilization. [Aktual'nye voprosy ugovolno-pravovoj reglamentacii trgovli ljud'mi i ispol'zovanija rabskogo truda]. *Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta jekonomiki i prava – Criminology journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2012, no. 4 (22), pp. 63–68.
8. Kolesov G.V. organization basis of law enforcement among those kept in detention facilities. [Organizacionnye osnovy ukreplenija pravoporjadka sredi lic, soderzhashhihsja v sledstvennom izoljatore]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Human: crime and punishment*, 2009, no. 2, pp. 102–103.
9. Krivosheev S.V. Criminological and criminal and legal characteristics of violent crimes committed in detention facilities. Author's abstract. [Kriminologicheskaja i ugovolno-pravovaja harakteristika nasil'stvennyh prestuplenij, sovershaemyh v sledstvennyh izoljatorah : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk]. Moscow, 2011, 25 p.

10. Kuznecova M.G. Study on intragroup relations in detention facilities upkeeping service. [Izuchenie mezhhgrupovyh vzaimootnoshenij osuzhdennyh v otrjadah hozjajstvennogo obsluzhivaniya SIZO]. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy – Correctional system journal*, 2003, no. 7, pp. 20–24.
11. Litvinjuk R.E. Prospects of detention facilities functioning in current situation. [Perspektivy funkcionirovaniya sledstvennyh izoljatorov v sovremennyh uslovijah]. *Chelovek*, 2010, no. 4, pp. 95–99.
12. Mihajlin V.V. Crimes committed within detention facilities' negative effect on employees, suspects, accused and convicted. [Negativnoe vlijanie prestuplenij, sovershaemyh v sledstvennyh izoljatorah, na bezopasnost' sotrudnikov, podozrevaemyh, obvinjaemyh i osuzhdennyh]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Human: crime and punishment*, 2010, no. 4, pp. 55–56.
13. Semenjuk V.I. Detentions facilities situation improves but there are still problems. [Situacija v sledstvennyh izoljatorah uluchshaetsja, no problemy ostajutsja]. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy – Correctional system journal*, 2004, no. 3, pp. 32–34.
14. Struchkov N.A. Course of law of corrections and labour. Special part problems. [Kurs ispravitel'no-trudovogo prava. Problemy Osobennoj chasti]. Moscow, 1985, 256 p.
15. Chajkovskij A.A. Current criminal situation in detention facilities in the Federal Service for Execution of Punishment in Russia. [Sovremennoe sostojanie prestupnosti v sledstvennyh izoljatorah FSIN Rossii]. *Vestnik Vladimirskogo juridicheskogo instituta – Vladimir Law Institute Journal*, 2010. № 2 (15), pp. 41–43.

Сведения об авторах

Корсаков Константин Викторович – доцент кафедры уголовного права Уральской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент, Екатеринбург; e-mail: korsakovekb@yandex.ru.

Жилко Ирина Анатольевна – помощник проректора по научной работе Уральской государственной юридической академии, Екатеринбург; e-mail: irina.zhilko@usla.ru.

About the authors

Korsakov Konstantin Viktorovich – Associated Professor of Department of Criminal law, Ural State Law Academy, Candidate of Legal Sciences, Associated Professor, Yekaterinburg; e-mail: korsakovekb@yandex.ru.

Zhilko Irina Nikolaevna – Assistant of Prorektor of Ural State Law Academy of Research, Yekaterinburg; e-mail: irina.zhilko@usla.ru.